

ОТНОШЕНИЕ К ДУХОВЕНСТВУ СОСЛОВИЙ И СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НАЧАЛО XX в.)

Автор: Л. А. АНДРЕЕВА, Е. С. ЭЛБАКЯН

АНДРЕЕВА Лариса Анатольевна - доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. ЭЛБАКЯН Екатерина Сергеевна - доктор философских наук, профессор Академии труда и социальных отношений.

Аннотация. В статье анализируется отношение к духовенству различных социальных групп Российской империи. Авторы показывают, что оно определялось положением духовенства на иерархической лестнице (в социальной стратификации российского общества).

Ключевые слова: сословия * социальные группы * религия * духовенство * церковь * дворянство * интеллигенция * крестьянство * фабрично-заводские рабочие * священнослужитель

Революция 1917 г. изменила ход как российской, так и мировой истории. События октября и приход к власти большевиков положили начало более чем 70-летнему господству атеизма как государственной политики. Очевидно, что этот политический курс должен был иметь опору в ментальности бывших подданных Российской империи, где православие было многовековой государственной религией. Для современной российской политической жизни характерна идеализация дореволюционного прошлого России, экстраполяция прошлого на современные политико-идеологические конструкции. К таким явлениям можно отнести идеализацию духовенства как сословия, его социального положения, влияния на другие социальные слои императорской России.

Цель данной статьи - рассмотреть отношение к духовенству как сословию со стороны других социальных страт (сословий и социальных групп) дореволюционной России. Поскольку в исследуемый период метод опроса (и в качестве анкетирования, и в качестве интервьюирования) еще практически не получил развития, имелись лишь эпизодические статистические сведения о том или ином общественном феномене, в качестве метода исследования используется анализ документов. Авторы сразу же хотят оговориться, что речь идет о духовенстве как социальном сословии Российской империи. Отдельные его представители, отношение к которым у других слоев российского общества было различным в зависимости от конкретных обстоятельств, в данной статье не рассматриваются.

Духовенство являлось одним из четырех сословий Российской империи. Социальная структура общества получила четкое юридическое оформление как строго

сословная в IX томе Свода законов Российской империи, опубликованном в 1832 г. Закон определил главные сословия - дворяне, духовенство, городские обыватели и сельские обыватели (городское сословие и крестьяне). Вплоть до 1917 г. Свод законов не подвергался серьезным переработкам. Социальный состав населения к 1913 г. представлял собой такую картину: из 155,5 млн. населения Российской империи (без учета Польши и Финляндии) в городах проживало около 23,3 млн. человек, следовательно, 85% составляло сельское население. Общая численность рабочих на фабриках и заводах к этому времени едва достигала 3,1 млн. человек, а вместе с фабрично-заводскими служащими - не более 3,3 млн. человек, т. е. всего около 2% от общего населения страны. Грамотность населения не превышала 28% [Рашин, 1956: 25].

Духовенство

Принадлежность к духовному сословию усваивалась при рождении и при вступлении в ряды белого духовенства из других сословий. Разрешалось поступать в духовенство лицам всех сословий, кроме крепостных (до 1861 г.), не получивших увольнительной от своих владельцев, но лица податных сословий могли вступать в ряды духовенства только при удостоверении местного епархиального начальства о недостатке лиц духовного звания для замещения соответствующей должности, при "одобрительном" поведении и при наличии увольнительного свидетельства от крестьянского или городского общества.

Дети священнослужителей наследовали их сословную принадлежность, но остающиеся при отцах до 15-летнего возраста без соответствующего обучения или исключенные из духовных училищ за непонятливость и леность исключались из духовного звания и должны были приписаться к какой-либо общине податного сословия - мещанской или крестьянской - или записаться в купцы. До 1860-х гг. для "излишних" детей духовенства периодически устраивались так называемые "разборы", при которых дети священно- и церковнослужителей, нигде не записанные и никуда не определенные, отдавались в солдаты.

Принадлежность к духовному сословию сохранялась при достижении совершеннолетия только при поступлении на церковно-служительскую должность. Выпускники духовных семинарий и духовных академий могли избрать для себя светскую карьеру, но для этого они должны были уволиться из духовного ведомства. Рожденные в духовном звании при поступлении на гражданскую службу пользовались правами, одинаковыми с детьми личных дворян, но это касалось лишь священнослужительских детей. При поступлении на военную службу дети духовенства, окончившие среднее отделение семинарии и не уволенные из семинарии за пороки, пользовались правами вольноопределяющихся. Но для лиц, добровольно сложивших с себя священный сан и желавших поступить на гражданскую службу, такое поступление было запрещено: для священников в течение 10 лет после снятия сана, а для дьяконов - 6 лет¹.

С конца XIX в. в социальном сословии духовенства стали отчетливо проявляться признаки системного кризиса. Несмотря на прирост населения и массовое строительство новых храмов, за период с 1867 по 1891 г. число желающих обучаться в духовных учебных заведениях сократилось с 53,5 тыс. до 49,9 тыс. человек. Громадный отток слушателей наблюдался в духовных училищах, что стало особенно заметно в начале 1870-х гг. [Отечественная..., 1897: 168]. О низком уровне престижа служителей государственного культа красноречиво свидетельствуют следующие факты: в 1863 г. студентам духовных семинарий разрешили поступать в университеты, и уже к 1875 г. среди студентов университетов страны 46% составляли бывшие семинаристы. В 1879 г. обеспокоенное церковное ведомство добилось отмены этого разрешения [Русское..., 1897: 357]. Митрополит Вениамин (Федченков) свидетельствовал, что "дух времени проник уже в семьи духовенства: детям их не хотелось идти по "духов-

---

¹ См.: URL: <http://www/vgd.ru/gensosl.htm> (дата обращения: 07.07.2011).

ной дорожке", а учиться на "барина" - доктора, инженера, адвоката, но не пастыря. А сюда уже шли по нужде или менее способные семинаристы, которым не было хода в университеты или институты... И этот утек кандидатов в духовенство рос и рос" [Вениамин (Федченков), 1994: 115 - 116].

В отчете за 1911 - 1912 гг. обер-прокурор Синода замечает, что "очень многие преосвященные отмечают в своих отчетах трудность замещения освобождающихся вакансий богословски образованными пастырями, объясняемую замечаемым в течение уже целого ряда лет движением воспитанников духовных семинарий в сторону от пастырства" [Всеподданнейший отчет..., 1913: 162]. Так, например, в Пермской епархии процент священников с полным богословским образованием снизился с 80% до 30% и часто был ниже, чем в 1905 и 1906 гг. Движение "в сторону от пастырства", во многом объясняемое нищенским существованием сельского духовенства, достигало таких масштабов, что в Архангельской епархии из числа окончивших курс семинарии в 1915 г. принял сан только один человек [Обзор деятельности..., 1917: 50]. На низкий образовательный уровень даже высших иерархов Православной церкви указывала последняя русская императрица Александра Федоровна: "Я многих знаю, но все они какие-то странные, очень малообразованные" [Жевахов, 2007: 94].

Дворянство

Высшим привилегированным сословием Российской империи было дворянство. По данным переписи населения 1897 г., потомственное дворянство составляло малую часть населения Российской империи. На его долю приходилось 0,2 - 0,6% всей численности населения [Баринава]. В написанных в эмиграции мемуарах генерал от инфантерии Николай Епанчин констатировал, что отношение дворянства к духовенству было немногим лучше отношения к "подлому народу": "Оно нас крестило, венчало и напутствовало на тот свет, а на него смотрели как на нечто низшее... Правда, в значительном числе оно было малообразованно, даже в церковно-богословском отношении, оно не имело не то что светских, а почти никаких манер; оно было скудно обеспечено в материальном отношении, это, конечно, была не наша вина, но и мы могли в известной степени помочь духовенству, памятуя, что это наши пастыри, духовные отцы наши. Мы должны были строго отличать личность и поведение священника как человека от его положения как просителя благодати Господней... Не одни мы, помещики, в том виноваты; были и владыки, которые унижали духовенство, а не старались поднять его. Чего же было ожидать от простого народа, который видел такой пример. Что касается до образования общего и богословского, то много раз приходилось слышать мнение, что священникам вовсе не нужно такое обширное образование, что апостолы были простые рыбаки и пр. Влияние на паству такого недостаточно подготовленного духовенства, конечно, не могло быть глубоким, и не этим ли объясняются такие поговорки, как "У попов завидующие глаза", и другие; не этим ли объясняется та легкость, с которой отошли крестьяне от церкви во время смуты 1917 г." [Епанчин, 1996: 126 - 127]. Такое отношение находит объяснение и в том, что дворянство, за исключением редчайших случаев, никогда не избирало для себя духовной карьеры.

Крестьянство

Крестьянство являлось самым многочисленным и самым низшим сословием. Первая русская революция 1905 - 1907 гг. подняла волну крестьянских выступлений против духовенства: с февраля 1905 г. по май 1906 г. в Российской империи 31 священник был убит, а 12 церквей и 2 монастыря полностью разгромлены [Малиновский, 1909: 110]. Представители духовенства на страницах церковных периодических изданий так характеризовали настрой паствы: "Духовенству нашему даже среди благочестивых и прежде смиренно покорных крестьян весьма нелегко живется. Там священнику не хотят совершенно платить за требы, тут оскорбляют его всячески. Тут приходится

закрывать церковь и причт переводить в другой приход, потому что крестьяне решительно отказались содержать свой причт; есть еще прискорбные факты - это случаи убийств, сожжения священников, случаи различных грубых издевательств над ними" [Христианин, 1907]. Из донесения Костромской епархии видно, что духовенство воспринималось крестьянами как составная часть эксплуататорского класса и было распространено мнение о "богатстве и корыстолюбии духовенства, о союзе его с людьми знатными и богатыми с целью удержать бедный и трудящийся класс населения в невежестве, угнетении и нищете, а потому слушать священников не нужно... Духовенство - воры, обкрадывающие народ так, как никакие воры и разбойники. Они прежде всего лгут, выдумывают, что есть души, что будет по смерти суд, что нужно поститься, поминать родителей и прочее. Это они говорят для дохода своего. Они обирают народ и вещественно: за все подай деньги. Да разве таинства продаются? Апостолы ничего не брали. Попы обязаны все даром делать и довольствоваться тем, что дадут, а не дадут - не претендовать" [Персиц, 1965: 212].

Негативное отношение к духовенству со стороны крестьянства обострял и нерешенный вопрос о церковно-монастырском землевладении. Многие крестьянские сходы в годы первой русской революции принимали решения о конфискации церковных земель. Крестьянские выступления против священников были прежде всего выступлениями против землевладельцев. Часто крестьяне не ограничивались лишь декларациями, а переходили к самозахвату земель. Так, например, скопинский исправник Рязанской губернии доносил о самовольной запашке крестьянами церковной земли в 1907 г.: "За последнее время отношения причта с крестьянами сильно обострились на почве высоких поборов при совершении разного рода треб и таинств; так, например, были случаи, когда за недоплату нескольких копеек покойник оставался не погребенным около суток после того, как был перенесен в церковь. А также не венчались свадьбы вследствие недоплаты суммы, назначенной священникам. Но что более всего озлобило крестьян - это такса, установленная нынешним постом за исповедь по 12 копеек с души; были случаи, когда крестьянин, не доплативший 3 - 4 коп., не допускался до исповеди и тут же на глазах других отсылался священником обратно. Под впечатлением этого 8 апреля, вышедши из храма, крестьяне единогласно постановили старую усадебную землю причта засеять самим" [там же: 216]. Негативное отношение крестьян к духовенству имело еще одну мотивировку - поддержку церковью помещичьего и удельного землевладения. В годы первой русской революции духовенство опубликовало множество воззваний и брошюр в защиту помещичьего землевладения. В 1905 г. Синод неоднократно давал указания духовенству "вразумлять крестьян не посягать на частную собственность".

Однако ведущим мотивом антиклерикальных выступлений крестьян стали поборы духовенства. Этот мотив прослеживается практически повсеместно. Например, крестьяне Нижегородской губернии на сходе заявляли: "Священники только и живут поборам, берут... яйцами, шерстью и норовят как бы почаще с молебнами походить, и деньгами: умер - деньги, родился - деньги, исповедовался - деньги, женился - деньги, берет не сколько даешь, а сколько ему вздумается. А случается год голодный, он не станет ждать до хорошего года, а подавай ему последнее, а у самого 36 десятин (вместе с причтом) земли... Выходит, что все эти люди живут за наш счет и на нашей же шее, а нам от них толку никакого" [Революция..., 1957: 451]. Корреспондент Вольного экономического общества сообщал из Смоленской губернии, что с 1907 г. "началось заметное движение против духовенства. Крестьяне стали составлять приговор о понижении таксы, например, за молебен вместо 25 коп. - 15 коп., при этом по деревням выбирались "понятые" (по 2 от деревни) с целью следить, чтобы крестьяне не давали за молебен более 15 коп., а при нарушении полагался штраф 3 рубля" [Аграрное движение..., 1909: 384].

Весьма интересны с точки зрения отношения крестьянства к духовенству брошюры священников В. Рюминского и М. Левитова, напечатанные в годы первой русской революции. М. Левитов считал разговоры о "народе-богоносце", всецело преданном

Православной церкви, не имеющими ничего общего с реальной жизнью: "Ценность набожности крестьянства оказалась сомнительной, а его добрые сыновниа отношения к священнослужителям скорее иллюзией, чем фактом. Эти отношения, не приближавшиеся никогда к идеальным, в последние годы обострились до крайней степени" [Левитов, 1907: 5]. Священнослужитель так описывал отношения крестьянства и духовенства: "Уже целое столетие духовенство православное служит в известном отношении "притчей во языцах", вместилищем и олицетворением богатства, жадности и корыстолюбия. Известную поговорку "с живого, с мертвого дерет" духовному лицу приходится слышать с детства до могилы... Тема "жадности поповского отродья" - любимейшая крестьянами. На сходе, на вокзале, общественной бане, в поле достаточно малейшего повода, и начинаются нескончаемые толки и рассказы... Появление духового лица в вагоне, наполненном простонародьем, для нашего брата истинное несчастье... В крестьянском сознании духовный сан и деньги настолько срослись, ассоциировались, что сделались почти синонимами. Поп - это в их понятии бездонный денежный мешок, каким-то волшебством ежечасно привлекающий и всасывающий в себя деньги из неиссякаемого источника - мужицкого кармана" [там же: 9]. Причиной такого отношения М. Левитов считает ужасающую бедность крестьянства и видит выход в поднятии экономического благосостояния крестьянства и просвещении. Обращает на себя внимание тот факт, что Левитов считает отношение к духовенству со стороны интеллигенции лучшим, чем крестьянства: "Правда, интеллигенция в значительной степени презирает пастырей, но в общем отношении ее к ним лучше, чем простонародья... Интеллигенция не особенно уважая священный сан в его реальных проявлениях, в то же время умеет уважать человеческую личность в носителе его, а в некоторой степени и образовательный ценз". Какие же качества хотело видеть крестьянство в священнослужителях? Левитов дает следующее описание: "Простота обращения и образа жизни, громкий голос, незамедлительное исполнение треб, неопустительное совершение богослужений в дни праздничные, бескорыстие - вот их желаемые качества священника... Но в центре этих требований - бескорыстие". Священнослужитель предрекает, что при сохранении существующего положения вещей, "в случае полной революции и анархии, духовенство первое погибнет", поскольку "оно служило и служит громоотводом народного гнева" [там же: 18].

Священник В. Рюминский с горечью писал: "Как относятся русские люди к своему священнику, прихожане к своему пастырю, и рассказывать нечего. Самые непристойные рассказы сложены про "долгогривых", как называют православные люди своих священников, скверные пословицы сложены про них, - "поповские глаза завидующие, а руки поповские загребущие", говорит народ. С ними торгуются за исполнение религиозных обрядов, как торгуются на базаре за деготь, как в лавке за товар. С ними судятся, и часто годами тянутся тяжбы - непристойно сказать - прихожан с их священником, верующих с их наставником" [Рюминский, 1906: 3]. Исследователь В. Кантор указывает, что "достаточно вспомнить знаменитые "Заветные сказки", собранные А. Н. Афанасьевым и, разумеется, не вошедшие в основной корпус его трехтомника. Самые скабрзные, похабные и матерные сюжеты "Заветных сказок" связаны с попом, попадьей и поповной. Для тех, кого миновала эта книга, можно напомнить облагороженную пушкинским гением "Сказку о попе и его работнике Балде", которая вполне передает эту усмешку простого мужика над священнослужителем" [Кантор, 2002].

Причину неуважительного отношения к духовенству В. Рюминский видел в том, что "...церковь и духовенство покрывали своим высоким званием все, что делало правительство. За долгие годы, протекшие со времен Петра Великого, не было такого преступления, совершенного правительством, которого бы не освящала церковь. Представители власти, убивая друг друга, сменяли насильственным путем престолы, терзали, мучили подданных, измывались над крестьянами, состоявшими в рабской зависимости от господ, - церковь и духовенство говорили: все это хорошо, так указывает крестьянская религия. Все долгие тяжкие годы крепостного права не раздавалось голоса с высоты митрополичьих и епископских кафедр, не говорили в проповедях

с амвона сельские священники: стыдно, противно Христову учению - закрепощение одних людей другими" [Рюменский, 1906: 17]. Безропотная покорность духовенства властям кроется, согласно В. Рюминскому, в союзе между ними. Выход из сложившейся ситуации священник видел в том, что "...нужно разорвать, прекратить этот преступный, нечестивый союз, - освободить государство от принудительного характера веры, и освободить церковь от принуждения, которое налагает на него государство" [там же: 45].

Мнение императрицы Александры Федоровны относительно взаимоотношений духовенства и простого народа сводилось к следующему: "Духовенство не только не понимает церковно-государственных задач, но и не понимает даже веры народной, не знает народные нужды и потребности" [Жевахов, 2007: 94].

Фабрично-заводские рабочие

Промышленный переворот второй половины XIX в. привел к возникновению нового социального слоя - фабрично-заводских рабочих. Основу этого слоя составляли выходцы из крестьянского сословия. С начала 1890-х гг. недоверие к духовенству и уклонение от участия в религиозной жизни становятся массовыми явлениями в среде фабрично-заводских рабочих. В одном из старейших промышленных районов - Центральном, по данным синодальных отчетов за 1892 г., рабочие не вполне усердно посещают церковь, без достаточных оснований уклоняются от исповеди и причастия. В отчете за 1893 г. говорится уже о полном безразличии к посещению церковью, исполнению церковных обрядов и соблюдению церковных праздников. Отмечаются "неустойчивость и колебания в религиозной вере" и недостаточное уважение к духовенству [Персиц, 1965: 120]. Такие тенденции наблюдались и в двух других промышленных регионах страны: на Урале и в Южном промышленном регионе. В отчетах уральских епархий отмечается, что заводские, а также пристанские рабочие нередко стыдятся просить у священника благословения, не считают грехом нарушить пост; среди рабочего люда "замечается какой-то религиозный индифферентизм, неустойчивость и нетвердость религиозных убеждений". Один из уральских епископов писал, что рабочие из заводских селений "относятся к пастырским убеждениям вообще с полным равнодушием, выражая при этом... нежелание даже выслушивать их". В отчете Екатеринославской епархии (Южный промышленный регион) за 1898 г. говорится следующее об отношении рабочих к религии: "На фабриках, рудниках и заводах... замечается полный индифферентизм к религии церкви и ее установлениям... Они относятся также безразлично и к духовным пастырям своим" [Красный архив, 1936: 122]. Шеф жандармов П. Д. Святополк-Мирский писал в 1901 г.: "В последние 3 - 4 года из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, почитающего своим долгом отрицать религию и семью, пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над ней. Такой молодежи, к счастью, имеется на заводе еще немного, но эта ничтожная горсть... руководит всей остальной инертной массой рабочих" [Персиц, 1965: 62].

Причины скептического отношения к духовенству изложены в песне "Сказка о попе и черте", которая была создана в конце 1890-х гг. неизвестным автором и имела широкое распространение среди рабочих Петербурга, Иваново-Вознесенска, Тулы и др. Исполнялась она на мотив "Из-за острова на стрежень", подчас прямо на улице, даже неподалеку от полицейских участков [Русские народные..., 1957: 113]. Смысл заключен в следующем фрагменте песни:

"В церкви, золотом залитой, / Пред оборванной толпой / Проповедовал с амвона / Поп в одежде парчовой. / Изнуренные, худые / Были лица прихожан, / В мозолях их были руки... / Поп был гладок и румян. / Братья! - Он взывал к народу, / Вы противитесь к властям; / Вечно ропщете на бога, / Что живется плохо вам! / Это дьявол соблазняет / Вас на грешные дела, / В свои сети увлекает, / Чтоб душа его была. / Вот за то, когда помрете, / Вам воздастся по делам; / В пламень адский попадете /

Прямо в общество к чертям. Рабочий - "оборван, изнурен и худ"". Экономическое положение рабочих на фабриках действительно было тяжелым. Рабочий день порой превышал 11 часов в сутки при низкой заработной плате, постоянных штрафах, неустроенном быте. Священнослужитель - "гладок и румян" - призывает не "противиться властям". Следовательно, духовенство воспринималось рабочими как составная часть господствующего класса, а его проповедь как религиозное обоснование существующего порядка вещей, т.е. справедливость и религия стали восприниматься как антагонистические сущности. Л. Н. Толстой в романе "Воскресение" нарисовал такой образ политического заключенного, фабричного рабочего Маркела Кондратьева: "К религии он относился так же отрицательно, как и к существующему экономическому устройству. Поняв нелепость веры, в которой он вырос, и с усилием и сначала страхом, а потом с восторгом освободившись от нее, он, как бы в возмездие за тот обман, в котором держали его и его предков, не уставал ядовито и озлоблено смеяться над попами и над религиозными догматами. Он был по привычкам аскет, довольствовался самым малым и, как всякий с детства приученный к работе, с развитыми мускулами человек, легко, много и ловко мог работать всякую физическую работу, но больше всего дорожил досугом, чтобы в тюрьмах и на этапах продолжать учиться. Он теперь изучал первый том Маркса и с великой заботливостью, как большую драгоценность, хранил эту книгу в своем мешке" [Толстой, 1964: 440 - 441].

Рабочей средой (с точки зрения ее отношения к религии и духовенству) в этот период начали живо интересоваться две силы - социал-демократы и царское правительство. Организованный В. И. Лениным зимой 1895 г. "Союз борьбы за освобождение рабочего класса" начал широкую агитацию марксизма среди рабочих. При этом марксизм как "единственно верное", всеобъемлющее учение, "новая благая весть" неизбежно должен был стремиться вытеснить из сознания религию - "старую благую весть". Премьер-министр С. Ю. Витте констатировал: "Рабочие уходят в руки революционеров, т. е. всяких социалистических и анархических организаций потому, что революционеры держат их сторону, проповедают им теории, сулящие всякие блага. Как же бороться с этим? Очень просто. Нужно делать то же, что делают революционеры, т. е. нужно устраивать всякие полицейско-рабочие организации рабочих, защищать или главным образом кричать о защите интересов рабочих. Устраивать всякие общества, сборища, лекции, проповеди, кассы и пр." [Витте, 1960: 217]. Именно в рамках "полицейского социализма" была предпринята попытка взять под контроль рабочее движение, опираясь на священнослужителя Православной церкви - о. Георгия Галона. Под его руководством было организовано "Петербургское собрание русских фабрично-заводских людей". Видным членом общества являлся священник Орнатский, и оно пользовалось покровительством Петербургского митрополита Антония Вадковского. Первоначально миссия Гапона оказывала большое влияние на петербургских рабочих. К началу 1905 г. в обществе имелось 11 отделений и насчитывалось свыше 10 тыс. членов из рабочих [Грекулов, 1906: 65]. Социал-демократы видели в нем опасного соперника в борьбе за умы рабочих. Попытка посредством духовного лица влиять на рабочих закончилась 9 февраля 1905 г., когда шедшие к царю с иконами и хоругвями рабочие были расстреляны перед Зимним дворцом. При этом Гапон заранее был предупрежден, что организованное им шествие к Зимнему дворцу будет расстреляно, о чем он сам писал С. Ю. Витте [Емелях, 1965: 203].

Синод занял позицию осуждения демонстрации 9 января. Петербургское духовенство выступало с проповедями и беседами, оправдывая действия солдат, при этом утверждалось, что выдача из церковью крестов, икон и хоругвей происходила без согласия священников - все это делали якобы революционеры, переодетые в священническое платье [Федотов, 1990: 68 - 69]. Однако какое впечатление произвели на общество кровавые события, можно понять, например, из воспоминаний митрополита Вениамина (Федченкова), бывшего в ту пору студентом духовной академии: "Я, человек монархических настроений, не только не радовался этой победе правительства, но почувствовал в сердце своем рану: отец народа не мог не принять детей своих,

чтобы ни случилось потом... А тут еще шли с иконам и хоругвями... Нет, нет, не так мне верилось, не так хотелось. И хотя я и после продолжал, конечно, быть лояльным царю и монархическому строю, но очарование царем упало. Говорят: кумир поверженный все же кумир. Нет, если он упал, то уже не кумир. Пала вера и в силу царя, и этого строя. Напрасно тогда генерал Трепов расклеивал по столице длинные афиши с приказами "Патронов не жалеть!". Это говорило о напуганности правительства, а еще больше - о разрыве его с народными массами, что несравненно страшнее" [Севастьянов, 1991: 112 - 113].

Результатом событий 9 января стало не только начало первой русской революции, но и переориентация сознания рабочих. Деятели социал-демократической партии А. В. Луначарский в своем стихотворении отразил те настроения, которые распространились среди рабочих после "кровавого воскресения" [Бердяев, 1907]: "Мы не иконы понесем, / Пойдем мы не с портретом, / А бомбы, ружья, динамит / Вам загремят ответом. / И не хоругвь над головой / Завеет златотканый - / Мы знамя красное взовьем, / Великий стяг наш бранный... / И не псалмы мы будем петь, / А Марсельезу грянем: / И мы его достанем!".

В отчетах Синода за 1905 - 1907 гг. уже прямо пишется о восприятии рабочими социалистических идей как "религии будущего": "...Рабочих прельщало обещание вождей социализма излечить все существующие недуги общественной жизни установлением нового строя жизни на началах общности труда, уничтожения собственности, братства и равенства. Рисовавшийся пропагандистами социализма идеал счастливой жизни на сказанных началах представлялся молодежи настолько привлекательным, что социализм стали называть религией будущего. Желанием скорейшего его воцарения оправдывалось и применение теперь же насилия к делу разрушения существующего строя, основанного будто бы на капитале и собственности" [Гиппиус-Мережковская, 1990: 210].

Успех социалистической пропаганды среди рабочих беспокоил не только власти, но и либеральные круги общества. В начале 1905 г. либеральная газета "Слово" поставила вопрос о необходимости для духовенства более тесного контакта с рабочими. В ответ газета получила письмо от одного столичного рабочего, в котором говорилось о невозможности усиления влияния духовенства на петербургских рабочих из-за почти поголовного их недоверия. "Слово" так прокомментировало это письмо: "И мы готовы поверить, что это правда, по крайней мере, для столицы".

Судя по отчетам епископов, явление это было характерно отнюдь не только для Петербурга. В 1906 г. епископ Курский и Обоянский Питирим писал: "...то недоверие, с каким весьма часто прихожане относятся к попыткам духовенства сблизиться с пасомыми, та неприязнь, граничащая с открытой враждой, какую нередко проявляют прихожане к духовенству, свидетельствуют о том, что духовенство начинает утрачивать былую любовь и авторитет среди прихожан, легко поддающихся в то же время влиянию всяких проходимцев, именующих себя "освободителями". Блаженные времена, когда никто из прихожан не считал себя вправе предпринять что-либо без совета и благословения своего пастыря, миновали, и духовенство оказалось в положении пастыря, который идет не впереди своих овец, а гоняется за ними сзади" [Медик, 1902].

Интеллигенция

Интеллигенция как социальная группа возникает в период царствования Петра I, поскольку в это время ощущается потребность в создании такой социальной группы, которая могла бы продуцировать необходимые для поддержания стабильности общества идеи, тем самым сглаживая противоречия между различными общественными группировками. В этом состоит специфика российской интеллигенции - она возникает не в результате длительного и постепенного исторического развития (как это имело место в Европе при формировании социальной группы интеллектуалов), а искусственно создается царским правительством "сверху".

Г. П. Федотов отмечал, что "Петр оставил после себя три линии преемников: проходимцев, ... на целые десятилетия заполнивших авансцену русской жизни, государственных людей - строителей империи, и просветителей-западников, от Ломоносова до Пушкина... XVIII век раскрывает нам загадку происхождения интеллигенции в России" [Медик, 1902: 418]. Таким образом, интеллигенция как социальная группа формируется в России для исполнения вполне конкретных общественных функций. В качестве ее основополагающих характеристик в тот период выступают универсализм и обращенность к западной цивилизации, поддержка царя при забвении народа и оторванности от него, образованность. Во второй половине XVIII в. на территории европейской части России насчитывается уже 13 тыс. высокообразованных специалистов, окончивших дворянские училища и корпуса, 47 тыс. окончивших специальные учебные заведения, 317 тыс. получивших образование в государственных учебных заведениях. Большое количество актеров, художников, музыкантов, врачей формируется в среде крепостного крестьянства. Таким образом, складывается образованный слой общества, неоднородный по своему составу и происхождению лиц, в него вошедших, - слой российской интеллигенции. С одной стороны, этой социальной группой оказывается немногочисленная, но занимающая главенствующее место (вплоть до 1840-х гг.) дворянская интеллигенция (выходцы из дворянского сословия), с другой - значительно большая по количеству интеллигенция из недворянских слоев общества (духовенства и городских обывателей), из которой в дальнейшем формируется разночинский тип интеллигенции, игравший ведущую роль с середины XIX в., изменивший отношение и к царю, и к народу, выполнявший критическую, а не апологетическую по отношению к самодержавию, крепостничеству, официальному православию функцию. Этот тип интеллигенции отличают глубокая идейность и народолюбие (вплоть до народопоклонства), оппозиционность к государственной власти.

Итак, возникшая в период правления Петра I интеллигенция как социальная группа общества, формирует свое отношение к различным общественным явлениям, в том числе - к духовенству, церкви, религии. Оно неоднозначно, поскольку неоднородна сама интеллигенция, и изменчиво в зависимости от того или иного этапа исторического развития общества.

В начале XX в. наблюдался кризис духовности как традиционного православия и "старого" религиозного сознания, так и атеистической идеологии леворадикальной (социал-демократической) интеллигенции. В отличие от социал-демократической, ориентированной на марксизм, либеральная российская интеллигенция делала попытку вернуться к религии. Но не в лоно официального православия, так как ощущала потребность в религиозной вере, не ограниченной официальной церковностью и жесткими рамками христианской догматики. Критика духовенства и Православной церкви со стороны интеллигенции касалась разных аспектов. Это были, во-первых, проблемы свободы совести и государственно-церковных отношений, обострившиеся в связи с миссионерской активностью церкви и гонениями на протестантов и старообрядцев; во-вторых, вопросы развития христианской догматики и возможности религиозного творчества в связи с резкой критикой "исторического христианства", церковной обрядности и т.д.

Духовенство не могло остаться равнодушным к обоснованным упрекам интеллигенции и отвечало ей не менее резко. В частности, жесткой критике интеллигенция подвергалась со стороны духовного сословия в официальном органе Синода - журнале "Миссионерское обозрение", главным редактором которого был В. Скворцов - чиновник особых поручений при обер-прокуроре К. Победоносцеве. Характеризуя Скворцова, Бердяев отмечал, что тот сделался известным "гнусными преследованиями сектантов" [Бердяев, 1907: 144], а Гиппиус отнесла его к типу "хитрого мужичонки" [Гиппиус-Мережковская, 1990: 235]. Церковная пресса призывала к объединению всех сил, дабы противостоять интеллигенции. "Хорошо бы для этой цели объединиться, чтобы действовать вместе... Дружная работа на ниве Христовой необходимая всегда, теперь особенно желательна", - писал, например, неизвестный автор под

псевдонимом Медик, справедливо отмечая, что "наша интеллигенция чужда Церкви". Отчужденность просвещенного сообщества от духовенства и церкви выражалась двояко. Во-первых, в индифферентном отношении к религии вообще, а во-вторых - в "превращенной вере" в эволюцию и научный прогресс, вытесняющей церковную веру. По мнению автора, компромисса между этими двумя верами быть не может, поскольку при вере в науку человек судит обо всем по внешним проявлениям, забывая о внутреннем смысле всех вещей и явлений. Поэтому Христос для интеллигенции - всего лишь выдающийся человек, относящийся к той же категории, что Будда или Мухаммад. Автор отмечает, что в отношении к церкви интеллигенция неверно видит ее сущность, сводя таковую лишь к обрядности, обвиняя духовенство в жестокости и насилии. Однако, заключает автор, "для Церкви, конечно, никакие нападки не страшны, ибо, с одной стороны, слишком ярко светит в ней личность Христова, .., а с другой стороны, в основе нападков интеллигенции лежит в лучшем случае незнание и непонимание христианства и духа Церкви, то есть величины отрицательные" [Медик, 1902]. Впрочем, насколько страшны оказались "нападки" интеллигенции на церковь, показали последующие пятнадцать лет...

Очень близок к приведенной выше оценке отношения интеллигенции к духовному сословию и церкви взгляд священника Сергея Четверикова: "По ее (интеллигенции. -*Авт.*) мнению вся жизнь Церкви заключается лишь в совокупности мертвых обрядов, никакого отношения к живой жизни не имеющих и необходимых лишь для суеверного народа" [Четвериков, 1902: 26].

На страницах официальной церковной прессы начала XX в. появился ряд статей, квинтэссенцией которых была мысль о невозможности объединения интеллигенции с духовенством, возврата ее в лоно церкви. Однако попытка диалога либеральной интеллигенции с представителями православного духовенства все же была предпринята. Это нашло отражение в деятельности Религиозно-философских собраний (1901 - 1903 гг., Санкт-Петербург), а затем Религиозно-философских обществ в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Тифлисе. В предисловии к издаваемым позднее Запискам Религиозно-философских собраний говорилось: "Собрания эти возникли в среде лиц светского и духовного образования в целях живого обмена мыслей по вопросам веры в историческом, философском и общественном освещении. Необходимость подобных собраний объясняется возрастающим вниманием нашего общества к религиозным темам"². Исходя из исторически установившейся разобщенности духовенства и интеллигенции, автор предисловия главной целью собраний видит "смягчение и возможное устранение противоречий" [Записки..., 1903]³.

Однако духовенство воспринимало эти собрания лишь с позиции возможности миссионерства среди интеллигенции с целью возвращения ее в лоно православия. Собственно, это и было причиной, по которой обер-прокурор К. П. Победоносцев вначале дал разрешение на проведение собраний. Однако увидев, что миссия среди интеллигенции неэффективна, он же ее и запретил⁴.

---

² Мысль о подобной встрече принадлежала З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковскому, которых поддержали Д. Filosofov, В. Розанов, В. Миролубов и В. Тернавцев. Последний был православным богословом. Подробнее об организации Религиозно-философских собраний в Санкт-Петербурге см.: [Мережковская-Гиппиус, 1990: 185]. "Самую смелую попытку сблизить и по возможности примирить традиционную церковную веру с современными религиозно-философскими мировоззрениями сделали Д. С. и З. Н. Мережковские в Петербурге, организовав в 1902 - 03 гг. религиозно-философские беседы, в которых, с одной стороны, участвовали видные представители интеллигенции и литературы, а с другой - иерархи церкви и представители просвещенного столичного духовенства...", - писал П. Н. Милоков [Милоков, 1994: 194].

³ Всего состоялось 22 собрания; в Приложении к журналу "Новый путь" были опубликованы стенограммы 20 собраний, протоколы двух последних собраний были запрещены к публикации по цензурным соображениям, а сами собрания - закрыты в марте 1903 г. К. П. Победоносцевым и возобновились лишь в 1907 г. под названием "Религиозно-философское общество".

⁴ Весьма показательным было учреждение в конце XIX в. Всероссийского Миссионерского общества, вызванного к жизни широким распространением неправославных воззрений. Общество должно было объединить все силы Русской православной церкви для борьбы с "сектант-

На седьмом заседании Религиозно-философских собраний в Санкт-Петербурге, проходившем осенью 1902 г., был заслушан доклад князя СМ. Волконского "К характеристике общественных мнений по вопросу о свободе совести". Непосредственным поводом для обсуждения данного вопроса в среде либеральной интеллигенции послужило выступление предводителя Орловского дворянства М. А. Стаховича на Орловском миссионерском съезде. Суть выступления М. А. Стаховича сводилась к тому, что несправедливо и жестоко преследовать человека за его религиозные убеждения, ибо такого рода преследования все равно не заставят его стать православным. С другой стороны, если таким насильственным путем пополняется "стадо Христово", то, в первую очередь, у самих представителей Православной церкви это должно рождать сознание недопустимости подобного положения дел, поскольку наряду с искренне верующими людьми среди православных оказывается много тех, кто, без собственного желая, насильственным путем был возвращен или впервые принят в лоно церкви. Выступление М. А. Стаховича буквально всколыхнуло либеральную интеллигенцию и духовенство, в статьях и спорах которых оно получило отнюдь неоднозначную оценку. Либеральная интеллигенция в своей массе поддержала М. А. Стаховича. "Естественным последствием насильственных или заинтересованных присоединений к православию явилось дальнейшее падение внутренней духовной жизни в православной среде", - отмечал, например, П. Н. Милюков [Милюков, 1994: 200].

Внешнее отделение церкви от государства выдвигалось в качестве требования как политическим, так и религиозным сознанием российской либеральной интеллигенции начала XX в. Отказавшись от внешней власти, церковь приобретает внутренний авторитет и от этого только выигрывает, полагают представители либеральной интеллигенции, искренне желая, чтобы так и было. Государство должно признать за церковью право внутреннего самоуправления, начала соборности, выборности, право церковных собраний и обществ и т.п. Помимо этого должны быть упразднены любые привилегии, связанные с православием, и проведен принцип светского характера государства, нормы которого, хотя и вытекают из христианского учения о достоинстве и равенстве всех людей перед Богом, о всеобщем единстве во Христе и др., но являются светскими в широком смысле этого слова.

Итак, отношение к духовенству сословий и социальных групп Российской империи в начале XX в. определялось его положением на иерархической лестнице (в социальной стратификации русского общества). Дворянство относилось к духовенству как к низшему, плохо образованному и малообеспеченному слою общества. Крестьянство и фабрично-заводские рабочие, напротив, воспринимали духовенство как господствующий класс, который поддерживает дворянскую монархию и выступает в этом качестве антагонистом трудящихся, т.е. крестьян и рабочих. Интеллигенция, несмотря на свою неоднородность, воспринимала духовное сословие в целом негативно. Подобный негативизм был вызван разными причинами: 1) отрицанием религии, исходящим из общеполитических целей и задач, когда церковь и духовенство рассматривались в качестве оплота старого самодержавно-монархического строя, нуждающегося в замене и переустройстве (леворадикальная, социал-демократическая интеллигенция, ориентированная на революционные перемены в стране); 2) преобразованиями в сфере религиозной политики и оживлением, обновлением религиозной веры, формированием нового облика священнослужителя взамен сложившегося с целью укрепления, а не преодоления, религиозности русского населения, формирования у него искренней веры (либеральная интеллигенция, ориентированная на постепенные изменения в стране, без революционных потрясений).

ством" и атеизмом и стать центром всей православной России. В качестве задач Всероссийского Миссионерского общества были обозначены: "...развитие (в количественном и качественном отношении) сил внутренней миссии, разработка противосектантской и противораскольнической политической литературы, распространение в обществе путем литературным истинных сведений о сектантах и раскольниках, борьба с неверием и народными пороками...". Данные задачи Миссионерского общества, по мнению его создателей, указывали на его насущную необходимость.

Метаморфозы истории привели Россию к такому периоду, когда церковь оказалась в числе гонимых и презираемых массовым сознанием социальных институтов, а представители бывшего духовного сословия - среди расстрелянных, заключенных, бежавших из страны. Церковь практически перестала существовать, и возобновление ее, как религиозной институции, началось лишь после 1943 г. Но, будучи сформированной по воле правительства, она руководствовалась в своей деятельности целями советского государства. Развитие церкви в России постсоветского периода никак не изменило сути этого соотношения "церковности" и "государственности". Однако они обрели новую форму - откровенной, набирающей обороты клерикализации светского государства и общества, с одной стороны, и неприкрытого огосударствления религиозного института - с другой. Из "Царства не от мира сего" и "Тела Христова" Русская православная церковь видоизменилась в мирское (профанное) учреждение государства (мира сего) с приземленными целями и задачами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аграрное движение в России в 1905 - 1906 гг. Ч. 1. СПб., 1908.
- Барينو́ва Е. П.* Стратификация дворянства в начале XX века. URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/9824/09.pdf>. (дата обращения: 07.07.2011).
- Бердяев Н. А.* Политический смысл религиозного брожения в России // *Sub specie aeternitatis*. Опыты философские, социальные и литературные (1900 - 1905 гг.). СПб., 1907.
- Вениамин (Федченко́в)*. На рубеже двух эпох. М., 1994.
- Витте С. Ю.* Воспоминания. В 2 т. Т. 2. М., 1960.
- Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1911 - 1912 гг. СПб., 1913.
- Гиппиус-Мережковская З. Н.* Дмитрий Мережковский // Вопросы литературы. 1990. N 5.
- Грекулов Е. Ф.* Церковь, самодержавие, народ (2-я половина XIX - начало XX в.). М., 1969.
- Дородницын А. Я.* Об учреждении Всероссийского Миссионерского Общества // Миссионерское обозрение. 1901. N3.
- Емелях Л. И.* Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М., 1965.
- Епанчин Н. А.* На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996.
- Жевахое Н. Д.* Воспоминания. В 2 т. СПб., 2007. Т. 1.
- Записки Религиозно-философских собраний в С. -Петербурге // Новый путь. Приложение. 1903. N1.
- Кантор В.* Русская империя и православие. URL: www.magazines.russ.ru/october/2002/7/kan-pr.html. (дата обращения: 07.07.2011).
- Красный архив. 1936. N 3.
- Левитов М.* Народ и духовенство. Казань, 1907.
- Лосский И. О.* История русской философии. М., 1994.
- Малиновский И. А.* Кровавая месть и смертная казнь. Т. 2. Приложение. Томск, 1909.
- Медик.* Откровенное слово по поводу настроения умов современной интеллигенции // Миссионерское обозрение. 1902. N 5.
- Миллюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 2. Ч. I.
- Обзор деятельности ведомства православного исповедания за 1915 г. Пг., 1917.
- Отечественная Церковь по статистическим данным с 1840 - 41 по 1890 - 91. СПб., 1897.
- Персиц М. М.* Атеизм русского рабочего (1870 - 1905). М., 1965.
- Пролетарий. 1905. 22 (9) августа.
- Рашин А. Г.* Население России за 100 лет. М., 1956.
- Революция 1905 - 1907 гг. в России. Документы и материалы. Второй период революции. 1906 - 1907 гг. М., 1957. Ч. 1.
- Русские народные песни. М., 1957.
- Русское Православие: веки истории. М., 1989.
- Рюминский В.* Духовенство и народ (Церковь и государство). СПб., 1906.
- Севастьянов А.* Двести лет из истории русской интеллигенции // Наука и жизнь. 1991. N 3.
- Слово. 1905. 3 апреля.
- Толстой Л. Н.* Собрание сочинений в 20 т. М., 1964. Т. 3.
- Федотов ГЛ.* Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. М., 1990.
- Христианин. 1907. N 1.
- Четвериков С.* Религиозное мировоззрение и идеалы жизни и личности русского народа и отношение к ним нашей интеллигенции // Миссионерское обозрение. 1902. N 7.